

## РАЗДЕЛ II. ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 341.462.2

*Е.А. Куянцева, Д.Ю. Каторгина*  
*E.A. Kujantseva, D. Yu. Katorgina*

### **СПЕЦИФИКА РАБОТЫ ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ЗОНЕ СВО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

### **THE SPECIFICS OF THE WORK OF WAR CORRESPONDENTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AND IN THE ZONE OF A SPECIAL MILITARY OPERATION: A COMPARATIVE ASPECT**

*Аннотация:*

Сделана попытка исследовать в сравнительном аспекте специфику работы военных корреспондентов в годы Великой Отечественной войны и в условиях современных военных конфликтов на примере Специальной военной операции России по денацификации Украины. Обращено внимание на такие сходные характеристики, как опасность работы журналиста в условиях ведения боевых действий, несоответствие реального положения вещей международным стандартам, декларируемым ООН, проблемы доступа военных корреспондентов к информации в зонах военных конфликтов. Исследованы и различия — большая информационная открытость в условиях распространения интернета, появление относительно нового для российской журналистики феномена — военной гонзо-журналистики, ярким представителем которой является Семен Пегов.

*Ключевые слова:* военный корреспондент, информационная поддержка военных действий, информационное противостояние, гонзо-журналистика.

*Abstract:*

The article attempts to investigate in a comparative aspect the specifics of the work of war correspondents during the Great Patriotic War and in the context of modern military conflicts using the example of a Special military operation of Russia to denazify Ukraine. Attention is drawn to such similar characteristics as the danger of a journalist's work in combat conditions, the discrepancy between the real situation and international standards declared by the UN, and the problems of access for war correspondents to information in conflict zones. The examination of the differences leads to the fact that the

greater informational openness in the conditions of Internet dissemination, the emergence of a relatively new phenomenon for Russian journalism — military gonzo journalism, with Semen Pegov being a prominent representative.

*Keywords:* war correspondent, information support for military operations, information confrontation, gonzo journalism.

Проблема изучения понятия «военный корреспондент» и специфики деятельности такого корреспондента в условиях современных военных конфликтов в последнее время обрела новую актуальность. На наш взгляд, это происходит по многим причинам, и одна из главных — изменились обстоятельства работы военных корреспондентов в новых горячих точках. А это значит, что есть необходимость осмысления новых вызовов в работе людей, рискнувших освещать военные конфликты не со слов очевидцев или согласно официальной сводке, а по собственному опыту пребывания на фронте. Однако при изучении данной проблематики следует также опираться на исторический опыт работы корреспондентов во время Великой Отечественной войны.

Целью данного исследования является попытка сравнения специфики работы военных корреспондентов во время ВОВ и в условиях современности — в зоне Специальной военной операции.

В устоявшейся журналистской практике военными корреспондентами, как правило, называют журналистов, выехавших для выполнения профессиональных обязанностей в зону боевых действий. В западной традиции военный корреспондент — это тот, кто пишет репортажи в органы СМИ из зоны военного конфликта, «будь то сотрудник газеты или просто грамотный представитель вооруженных сил»<sup>233</sup>. Такой журналист принципиально отличается от гражданского лишь тем, что имеет смелость появляться в опасных зонах ведения боевых действий, в аспекте же освещения происходящего в горячих точках отличий нет — он работает согласно редакционной политике своего СМИ.

Условия ведения Великой Отечественной войны как части Второй Мировой и СВО как проявления глобального противостояния Запада и России имеют и сходные черты, и много отличий. Россия, как 80 лет назад, так и сейчас, стояла и стоит перед серьезными вызовами, потому очень быстро и остро встал вопрос информационного сопровождения боевых действий. С первого дня Великой Отечественной войны руководство СССР сразу дало четкие указания, как будет формироваться информационная политика государства. С 22 июня 1941 г. было очевидно, что на страну совершено вероломное нападение, а значит, обществен-

<sup>233</sup> *Risley F. Civil War Journalism. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2012. 131 p.*

ность закономерно испытывала негодование, «благородную ярость», желание всенародного единения для отпора врагу. Вся деятельность государства быстро перестраивалась под фронтовые нужды — «Все для победы!».

В наши дни президенту РФ нужно было объяснять обществу ситуацию на Донбассе как глобальное противостояние России и Запада и роль Украины в этом. Далеко не все граждане России знали все тонкости и специфику военных действий в ЛНР и ДНР до февраля 2022 г., многие недооценивали реальную опасность киевского режима и последствий его деятельности по втягиванию Украины в НАТО, риски для Крыма как части РФ, возможных прорывов вооруженных формирований Украины вглубь России. Для понимания сущности националистической русофобской политики Украины потребовалось время, предъявление российской общественности неопровержимых доказательств и вскрытие антигуманной сущности «мирового сообщества», представляемого в западных СМИ.

Интересное сходство в информационной политике СССР и современной России наблюдалось в следующем аспекте. В начале СВО в заявлениях руководства России была видна попытка разграничить националистов-радикалов и подразделения ВСУ, особенно мобилизованных солдат. В отношении последних было даже некое сочувствие — мол, призвали, заставили человека воевать. В СМИ наблюдалась попытка донести эту мысль до противоборствующей стороны: вы такие же, как и мы, русские, вас заставляют идти на войну, но не нужно воевать за чужие интересы. К сожалению, впоследствии стало ясно, что пропаганда на территории Украины сделала свое дело: в украинском общественном мнении доминирует восприятие России как страны-агрессора, и в качестве главного доказательства называется ее «нападение» на Украину (или, как чаще пишут в украинских СМИ, «вторжение»). Предшествовавшие этому обстрелы Донбасса в течение восьми лет были объяснены украинскому населению необходимостью проведения «Антитеррористической операции», как называли на Украине военные действия против ЛНР и ДНР.

В СССР складывалась похожая ситуация: в начале ВОВ была попытка обратиться к немецкому рабочему, который должен был понять советского рабочего, призыв не воевать против таких же трудящихся в угоду империалистическим интересам руководства Германии. Но в итоге стало ясно, что геббельсовская пропаганда повлияла на все немецкое население и армию — на нашу землю пришли захватчики, и их происхождение и социальный статус не имели значения. Братание на фронтах не состоялось. Ожидаемая добровольная сдача в плен немецких солдат не случилась.

Следующий аспект, на который хотелось бы обратить внимание, показывает большие различия в работе военкоров времен ВОВ и современности. Из истории известно, что с началом Великой Отечественной войны журналисты отправились на фронт именно в статусе военных, имея специальную подготовку: «...руководство страны и военное командование одновременно уделяли пристальное внимание созданию фронтовой корреспондентской сети»<sup>234</sup>. Согласно приказу Главного управления политической пропаганды от 24 июня 1941 г. из запаса были призваны члены Союза советских писателей (например, И. Френкель, А. Твардовский, С. Михалков и др.), а несколько месяцев спустя в действующей армии, на фронтах работали уже подготовленные военные корреспонденты. Они выполняли не только свой профессиональный долг, но и принимали участие в боевых действиях. «Все были спокойны, ходили в атаку, не терялись...»<sup>235</sup> Широко известно, например, что детский писатель А. Гайдар, будучи специальным корреспондентом газеты «Комсомольская правда», сражался в партизанском отряде под Киевом, где и погиб. Существовали документы, регламентирующие деятельность журналистов на передовой. Таким образом, журналист тех военных лет являлся не только солдатом информационного фронта, но и активным участником реальных боевых действий.

После окончания Второй Мировой войны ООН предлагала обеспечить для работы журналистов в зонах военных конфликтов более цивилизованные условия, соответствующие новым гуманитарным стандартам: сделать специальные опознавательные знаки для репортеров, работающих в зоне боевых действий, вести их учет, создать международную организацию, которая могла бы регулировать направление журналистов в различные горячие точки. Однако сами журналисты и многие международные журналистские организации выступили против этой инициативы. Одной из причин было опасение, что такая «защита» на деле станет инструментом давления на СМИ и будет препятствовать профессиональной работе журналистов в зоне вооруженных конфликтов.

Совершенно ясно, что информационное освещение военных конфликтов — это не просто объективная подача фактов в СМИ, а настоящий фронт, где вооруженная борьба идет параллельно с информационной битвой. Журналист — это воин информационного противостояния, в котором его деятельность может сыграть не менее значимую роль, чем военная техника.

---

<sup>234</sup> Гужва Д.Г., Рахимова И.О. «С честью выдержали испытания...» // Военно-исторический журнал. 2019. № 8. С. 43.

<sup>235</sup> Гужва Д.Г., Рахимова И.О. «С честью выдержали испытания...» С. 43.

На международном уровне предпринимались попытки обезопасить работу журналистов в горячих точках. Например, 8 июня 1977 г. были приняты Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям. В протокол I, относящийся к сфере международных вооруженных конфликтов, была включена статья 79 «Меры по защите журналистов», где говорилось: «Журналист, находящийся в опасной командировке в районе вооруженного конфликта, будучи гражданским лицом, пользуется в полном объеме защитой, предоставляемой международным гуманитарным правом гражданским лицам; за военными корреспондентами, аккредитованными при вооруженных силах, сохраняется их особое положение, которое признается ст. 4А, п. 4 III Конвенции...»<sup>236</sup>

В 2014 г. на Донбассе при исполнении своих профессиональных обязанностей погибли журналисты Игорь Корнелюк и Антон Волошин. При этом они были не случайными жертвами обстрелов, а именно целями. С началом СВО стало совершенно очевидно, что российский журналист, находящийся в зоне боевых действий и по каким-либо признакам идентифицируемый как работник СМИ, становится не просто целью для украинских вооруженных формирований, а приоритетной мишенью. В итоге наглядно проявились расхождения между устоявшимися международными нормами, разграничивающими журналиста и военного, и реальностью, в которой журналисты быстро поняли, что они должны быть как можно неприметнее среди военнослужащих — тогда у них есть шансы уцелеть, выполняя профессиональный долг.

В современных реалиях стала необходимостью специальная подготовка журналистов, которые планируют работать в зоне боевых действий. Международный опыт показывает и такую проблему: «Неподготовленные журналисты часто отправляются делать репортаж о боевых действиях, проявляя большую самостоятельность, но рискуя своей личной безопасностью... [есть] беспокойство в связи с присутствием на театрах военных действий независимых журналистов неопределенного статуса, которым предоставлена большая свобода, но мало защиты со стороны их редакционного руководства»<sup>237</sup>.

---

<sup>236</sup> Рамазанов Г.З. Права журналистов в зонах вооруженных конфликтов и документы, регулирующие их действия. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-zhurnalistov-v-zonah-vooruzhennyh-konfliktov-i-dokumenty-reguliruyuschie-ih-deystviya?ysclid=lqc7d8w9nz955265219> (дата обращения: 19.12.2023).

<sup>237</sup> Daucé F. Military journalists and war correspondents. From the USSR to Russia: Subjectivity under fire // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2014. № 16. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/4121>

Большой проблемой в современных реалиях стало также то, что в геополитических конфликтах, воплощающихся в виде региональных (а как раз такой конфликт и разворачивался на Донбассе до начала СВО), журналист, освещающий военные действия не в русле информационной политики его страны, может подвергаться опасности не только на фронте, но и по возвращении из зоны боевых действий на родину (как, например, Грэм Филлипс, Янус Путконен).

Следующий аспект, на который нужно обратить особое внимание, — это характер освещения военных действий в период ВОВ и в условиях СВО. Безусловно, во время ведения военных действий информационная поддержка и единая информационная политика государства становятся необходимым условием для победы и в целом для выживания страны. Чтобы рассказывать о боевых действиях, журналисту, с одной стороны, нужно быть в гуще событий, а с другой, требуется не выдать информацию, которую может использовать противник. В итоге и тогда, и сейчас стоит проблема доступа журналистов к необходимым сведениям для освещения в СМИ военных действий. Из исследований работы фронтовых корреспондентов времен ВОВ известно о сложностях и проблемах, которые возникали в связи с работой журналистов на фронтах: это и пребывание сотрудников СМИ в штабах, а не на передовой, и написание репортажей со слов раненых или гражданских очевидцев, это и недооценка вопроса информирования населения о ходе боевых действий, и неполучение помощи со стороны военных для продуктивной журналистской деятельности. Все эти проблемы с поправкой на технические условия современности налицо и ныне. И при исследовании этого вопроса, и при личных разговорах с военкорами мы наблюдаем схожие проблемы. В начале СВО, например, была предпринята попытка освещения хода операции официальным представителем Министерства обороны РФ И. Конашенковым. Но очень быстро стало понятно, что сухая официальная сводка не удовлетворяет информационные потребности современного читателя/зрителя. Возник огромный спрос на информацию с фронта, переданную и самими бойцами, и журналистами-военкорами, и военблогерами, которые получают информацию с линии боевого соприкосновения и говорят о проблемах, решение коих крайне важно для успехов армии (своевременное снабжение и обмундирование, устранение недостатков военной техники, нужда в БПЛА, средствах связи и многое другое). Появились и свои герои среди журналистов, чья деятельность помогла в формировании информационного единения общества и поддержки армии, — Александр Коц, Евгений Поддубный, Александр Сладков, Дмитрий Шешин и др.

Стоит обратить внимание на интересное явление, которого не было в нашей исторической практике в годы Великой Отечествен-

ной войны, — гонзо-журналистику. Это сравнительно новый феномен в медиапространстве. Впервые он появился в США в 1970-х гг. как ответ на социально-политические потрясения в западных обществах, связанные с политическими скандалами, войной во Вьетнаме, распространением в творческой среде нигилизма и нонконформизма. Направление стало одной из составляющих «новой журналистики» 1960—1970-х гг., родоначальник его — американец Хантер Томпсон. В России гонзо-журналистика стала привлекать внимание исследователей в 2000-е гг. Ее изучению посвятили свои труды журналисты Д. Соколов-Митрич и В. Панюшкин, а также О.Р. Файзулина, О.А. Игошина, А.Р. Носков, М.Е. Новоселова.

Гонзо-журналистика не привязывается к определенной проблематике. В рамках нее журналист выражает собственное мнение и впечатления, но от предложения аудитории разделить какой-либо его опыт не переходит к навязыванию этого опыта. Материалы в стиле гонзо призваны освещать события через призму субъективного восприятия. Журналисты не ставят своей целью изменить чье-либо мнение о рассматриваемом объекте, а лишь стремятся натолкнуть аудиторию на новые мысли, что впоследствии, возможно, приведет к самостоятельным переменам во мнении читателей/зрителей.

Гонзо-журналистика попала на постсоветское пространство с распространением интернет-технологий, дающих возможность каждому по желанию публиковать свой контент. Одновременно она стала феноменом отечественной журналистики со своей спецификой: сделалась своеобразным информационным пространством, в котором журналист может выразить свое видение в вольном стиле, отличающемся от «канонов» традиционной журналистики.

Одним из ярчайших представителей военной гонзо-журналистики Донбасса является Семен Пегов с его проектом «WarGonzo», действующим с 2017 г. «Экстремальная правда, субъективный взгляд на войну, проверка реальности на прочность, незащищенный стеб, милитари-гуманизм — вот основные грани визуального творчества краш-студии wargonzo. В наших видео всегда: оружие в надежных руках, фронтовые события в объективном прицеле, ну и, конечно, много познавательных взрывов и ярких историй», — сообщается на странице проекта в социальной сети «ВКонтакте».

Основной задачей, которую ставит Семен Пегов, является необходимость донести до аудитории всю правду жизни человека на войне, показать, что это страшно, тяжело и опасно. Так, в одном из своих гонзо-материалов «Угледарская атмосфера» Пегов говорит: «Степь — что тут еще скажешь. Воевать в полях жутко и не прикольно. Ты уязвим со всех сторон. Подорваться на mine — тоже запросто». «Угледарский фронт — это целый сталкерский квест. И местные парни не просто проходят его ежедневно — они готовы к любым попыткам прорыва противника». Тут

показан человек в условиях боевых действий. В материале говорится о постоянной угрозе жизни и здоровью, о фронтовых трудностях и о готовности участников боевых действий сталкиваться с опасными ситуациями.

Так как Пегов — военный корреспондент, в тексте материалов используются условные обозначения, связанные с военной тематикой, смысл которых тут же объясняется. Например, «ходить вдоль угледарских “полок” — ловите новое фронтовое сленговое словечко, означающее лесополосы в степях, — то еще удовольствие, отнюдь не тривиальное, со своей изюминкой»; «по нам сначала навалили из РПГ, потом — из “польки” (польский миномет калибра 60 мм)». На протяжении всего текста журналист дает понять, что он погружен в события, о которых пишет, и знает их детально, за время своей фронтовой деятельности неоднократно сталкивался с опасными ситуациями.

В тексте присутствуют оценочные суждения и средства художественной выразительности, есть и просторечные выражения: «Начнем, как водится, издалека? Или без прелюдий, сразу к делу?»; «присущим типично донецкой братве»; «озарить чавкающий от прошлодневных дождей донбасский чернозем своим ласковым светом»; «иной раз отнести пацанам»; «отправить тебе с неба привет» и т. д. Материал имеет кольцевую структуру: начинается с темы восприятия информации из СМИ, которому противопоставляется личный опыт, и заканчивается словами: «В общем, чудо, а не люди. Не хочу больше с ними туда. Но пойду».

Такое просторечие в сочетании с эмоционально-окрашенной лексикой вызывает у читателя/зрителя симпатии к автору. Такая информация «с полей» в субъективной подаче популярна сегодня у публики. Конечно, эта востребованность объясняется во многом возможностью видеть происходящие события здесь и сейчас, находясь (конечно, виртуально) в окопе рядом с военными. Зритель/читатель словно сам пребывает рядом с героями такого репортажа. Но ведь зачастую именно такого эффекта добивались с помощью своих материалов выдающиеся журналисты прошлого, проходя все фронтовые трудности вместе с солдатами и оформляя свои переживания в тексты, созданные согласно высоким требованиям традиций советской журналистики.

Таким образом, исследуя исторический опыт работы военных корреспондентов на полях сражений ВОВ и современную практику работы российских журналистов в зоне СВО, мы можем отметить как общие черты (журналист на фронте — это воин, а не просто наблюдатель, фиксирующий происходящее, прежде всего воин информационного фронта, не менее важного, чем реальный), так и различия (в современных условиях присутствует большая информационная открытость и вовлеченность реципиента в контент, подаваемый не только профессиональными журналистами, но и «любителями»). Поэтому специфика работы совре-



менных военных корреспондентов на фоне исторического опыта времен ВОВ нуждается в дальнейшем глубоком, всестороннем изучении.

*Список литературы*

1. Гужва Д.Г., Рахимова И.О. «С честью выдержали испытания...» // Военно-исторический журнал. 2019. № 8. С. 42—46.

2. Рамазанов Г.З. Права журналистов в зонах вооруженных конфликтов и документы, регулирующие их действия. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-zhurnalystov-v-zonah-vooruzhennyh-konfliktov-i-dokumenty-reguliruyuschie-ih-deystviya?ysclid=lqc7d8w9nz955265219> (дата обращения: 19.12.2023).

3. Письменский Д.А. Работа военных корреспондентов в годы Великой Отечественной войны: специфика, особенности, нормативно-правовая база. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-voennyh-korrespondentov-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-spetsifika-osobennosti-normativno-pravovaya-baza?ysclid=lpu540rpub299253123> (дата обращения: 19.12.2023).

4. Daucé F. Military journalists and war correspondents. From the USSR to Russia: Subjectivity under fire // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2014. № 16. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/4121>

5. Risley F. Civil War Journalism. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2012. 131 p.

*Сведения об авторах*

*Куянцева Елена Александровна*, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела Луганского государственного педагогического университета. E-mail: [elenakul@list.ru](mailto:elenakul@list.ru)

*Каторгина Дарья Юрьевна*, старший преподаватель кафедры журналистики и издательского дела Луганского государственного педагогического университета. E-mail: [katorginalnu@yandex.com](mailto:katorginalnu@yandex.com)

*Information about the authors*

*Kuyantseva Elena Aleksandrovna*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Journalism and Publishing of Lugansk State Pedagogical University. E-mail: [elenakul@list.ru](mailto:elenakul@list.ru)

*Katorgina Daria Yurievna*, Senior lecturer at the Department of Journalism and Publishing of Lugansk State Pedagogical University. E-mail: [katorginalnu@yandex.com](mailto:katorginalnu@yandex.com)